

А. Ю. Фильченко

ИЗ ОПЫТА АРЕАЛЬНОГО АНАЛИЗА ДИАЛЕКТНЫХ ДАННЫХ ЯЗЫКОВ ОБСКО-ЕНИСЕЙСКОГО ЯЗЫКОВОГО АРЕАЛА¹

В статье приводится обзор перспективного исследования кафедры языков народов Сибири ТГПУ в области документации и анализа данных исчезающих языков Сибири. На опыте проекта по созданию базы данных исчезающих языков обско-енисейского ареала рассматриваются теоретические, методологические и эмпирические аспекты и перспективы ареально-типологического исследования языков ареала, вопросов этнографии этносов ареала, гипотезы параллелей между системами ареала.

Ключевые слова: исчезающие языки Сибири, ареальная типология, документация языков.

Текущие исследования лаборатории языков народов Сибири ТГПУ

Существующий интерес к вопросам истории и эволюции языков и культур, условиям формирования их разнообразия, взаимодействия и изменений зачастую сталкивается с проблемой неадекватной эмпирической базы. Сегодня в ходе междисциплинарного взаимодействия возникают новые методики анализа, статистической обработки, компьютерной симуляции и моделирования материала, которые дополняют и актуализируют традиционные методы изучения языка. В ходе текущей программы исследований кафедры языков народов Сибири ТГПУ по языкам обско-енисейского ареала всесторонне рассматриваются ключевые аспекты организации и функционирования языковых систем наиболее малочисленных диалектных групп аборигенных языков Сибири. На основе корпуса естественного языкового материала тщательному теоретически обоснованному описанию в рамках функционального подхода, а также ареально-типологической контекстуализации с учетом культурно-исторических особенностей развития языкового сообщества подвергаются основные уровни языковых систем.

Языковое разнообразие Западной Сибири уникально. Представители как минимум 4 языковых семей проживают на этой территории в длительном контакте. Наконец, уже на протяжении 3–4 веков упомянутые языки подвергаются ассимилятивному давлению со стороны русского языка – представителя индоевропейской языковой семьи. Таким образом, этот ареал является ареной длительного взаимодействия разнородных популяций, языковых и культурных традиций на протяжении тысячелетий, предшествовавших прибытию европейцев. Эти популяции, как находящиеся в близком и отдаленном генетическом родстве, так и генетически неродственные, подвергались воздействию целого диапазона эволюционных факторов,

включая консервативные тенденции сохранения наследственных признаков, с одной стороны, и ассимилятивные тенденции внедрения инноваций, взаимопроникновения черт разного типа и масштаба – с другой. Следовательно, этот ареал и его языки представляют собой богатейший потенциал для исследований языковой и культурной эволюции, географической и социальной вариативности, преемственности и трансмиссии культурных черт. Осуществляемая исследовательская программа основывается на длительном предшествующем исследовательском опыте в области структурных и функциональных особенностей языков и актуальна в целом ряде дисциплин:

1. Документация исчезающих языков и культур в соответствии с современными теоретическими и методологическими требованиями.

2. Ареально-типологические исследования контакта, вариаций, изменений языка.

3. Сравнительно-исторические и типологические исследования, где значимые сходства между языками ареала могут объясняться:

а) параллельным развитием языковых систем в рамках универсальных тенденций развития комплексного социального поведения, чьи свойства формируются в процессе конвенциализации повторяющихся функциональных моделей;

б) общим происхождением самих систем, где интерес вызывают эволюционные процессы, сопутствующие «наследованию и мутированию» подобно биологической эволюции;

в) результатом продолжительной контактной диффузии среди генетически неродственных/отдаленно родственных сообществ.

4. Методология, где традиционные методы лингвистической классификации, такие как сравнительный метод и метод массовых сопоставлений, переживают процесс обновления за счет развития инновационных статистических методик, которые призваны усилить воспроизводимость и

¹ Работа проводилась при поддержке гранта РФНФ№09-04-64405а/Т «Исследования ареально-обусловленного развития восточных диалектов хантыйского языка: контакты, вариации и изменения языковых систем».

формальную объективность анализа и которые положительно зарекомендовали себя в смежных областях, таких как социолингвистика, корпусная лингвистика, генетика, антропология.

5. Культурная и материальная антропология, где взаимное применение общих теоретических и методологических основ в исследовании развития языкового и культурного разнообразия позволяют выявлять универсальные основополагающие процессы трансмиссии культурных/языковых моделей через поколения, социальной преемственности. Параллельный сравнительный анализ языковых и культурных данных, особенно с использованием статистических методов, позволяет проследить и сопоставить аспекты вариации и изменений в языке и культуре в различных частях ареала.

Структурно программа исследования включает следующие основные разделы:

- теоретические проблемы общей и ареальной типологии;
- особенности локальных вариаций языков и сопоставления в рамках генеалогического архетипа;
- анализ формальных и функциональных особенностей регионально-смежных диалектов в рамках ареально-типологического подхода, т. е. как контактных языковых систем ареала.

Программа по созданию компьютерной базы данных по языкам и культуре обско-енисейского ареала, разрабатываемая при партнерстве Московского института языкознания РАН, основывается на длительном (более чем полувековом) опыте исследований отдельных языков и культур, у истоков которых стояли такие выдающиеся ученые, как А. П. Дульзон, Г. К. Вернер, Р. Ф. Деннинг, Б. Б. Феер и др. Проект рассчитан на долгосрочную перспективу и представляет собой электронный лексикон и аннотированный корпус – результаты полевых исследований 1950–2000 гг., дополненные ранее опубликованными источниками.

Ареально-типологические исследования языков

К основным целям исследования относится максимально репрезентативное описание и анализ основных черт организации контактных диалектов с уделением особого внимания тем аспектам организации языковой системы, которые ранее не являлись предметом детального рассмотрения в существующих изысканиях, затрагивающих данный языковой материал.

Теоретическая база исследования с преимущественно функционально-типологическим подходом максимально широка. Основные теоретические и методологические концепции, принципы и терминологический аппарат исследования, относящиеся к пониманию ключевых аспектов структуры и функционирования языковых систем, сформули-

рованы на основе фундаментальных трудов по теоретическим и прикладным вопросам языкознания. Вариативность и градация на всех уровнях организации и функционирования языка признаются в качестве ключевого явления, которое исключает дискретное понимание определений, типологических и категориальных назначений на основе жестких черт-параметров. Вместо этого основополагающим принципом является идея динамичного континуума центральных и периферийных примеров, в духе общей теории прототипов.

Теоретические проблемы ареальной лингвистики

В целях анализа языкового материала используется ареальный подход как теоретическое направление лингвистики для рассмотрения ситуаций широкого структурного параллелизма в языках, генетически отдаленно родственных и неродственных, но принадлежащих одной или сопредельным географическим территориям [1–3], подобно ситуации, наблюдаемой в интересующем нас регионе Западной Сибири.

К традиционно выделяемым лингвистическим ареалам относятся Индийский [4], Балканский [5], Прибалтийский [6] и др. В отношении Западной Сибири ареальная перспектива применялась, хотя и не всегда эксплицитно в 1970–1980-х гг., отечественными исследователями, в особенности на материале тюркских языков [7, 8]. В последнее время ареальный подход активно применяется в индивидуальных обзорных работах по сибирским языкам [9, 10]. Идея, лежащая в основе концепции ареальной лингвистики, сформулирована в общих чертах еще в начале XX в. Н. С. Трубецким [11] и подразумевает возможность диффузии структурных черт языковых систем сквозь границы генеалогического родства. В той или иной форме эта идея присутствует в качестве лейтмотива в большинстве последующих теоретических работ по ареальной типологии. Определения лингвистического ареала отличаются в деталях и частных аспектах, но могут быть объединены наличием географической территории одновременного сосуществования языков – представителей разных языковых семей. Эти языки демонстрируют значительные нетривиальные сходства структурных черт, являющиеся результатом продолжительного языкового и культурного контакта сообществ носителей. Особенно показательными должны являться случаи, когда языки, входящие в предполагаемый лингвистический ареал (генетически неродственные), демонстрируют структурные сходства, которые не выражены в языках – представителях тех же языковых семей, но пребывающих за пределами лингвистического ареала.

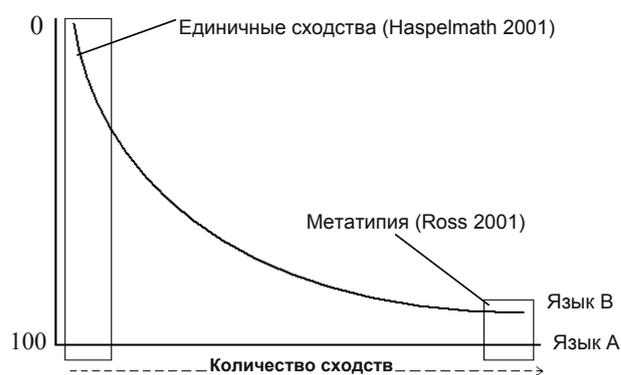
Со времени появления в конце обсуждений структурных заимствований и *смешанных языков* в

работах индоевропейцев XIX в. А. Шлейхера [12], Н. Шухарта [13], А. Мейе [14] и др. концепция ареального взаимодействия языков получила развитие в работах балканистов К. Сандфельда [15], индианистов Й. Блоха [16] и американских дескриптивистов. Ф. Боасу [17] традиционно приписывается основание современной ареальной типологии на основе анализа материала аборигенных языков Северной Америки, демонстрировавшей (в терминологии Ф. Боаса) смешанные структурные признаки как результат «аккультурации» или «абсорпции», существенно затрудняя дифференциацию наследственных черт от результатов контактной диффузии. В Европе идеи Ф. Боаса оказали влияние на представителей пражской лингвистической школы Н. С. Трубецкого и Р. Якобсона, последовательно развивших идею *языкового союза* (*Sprachbund*) как группы языков, объединенных географическим расположением и имеющих общие синтаксические и морфологические черты, культурный вокабуляр и в некоторых случаях схожие фонемный инвентарь, но не имеющие систематических звуковых соответствий, формально схожих морфем и общего базисного лексикона [11]. Р. Якобсон [18] в свою очередь дополнил и эмпирически обосновал идею Трубецкого, эксплицитно определив отсутствие общего происхождения и обязательное наличие непосредственного географического соседства языков ареала. Сама современная терминология ареальности обязана происхождением перевода термина *Sprachbund* [19] и М. Эмению [4] в толковании лингвистического ареала (*linguistic area*) как продукта местной диффузии лингвистических черт через границы генетического родства. При этом наличие ареальных черт отличает контактные языки от других представителей соответствующей языковой семьи [4, с. 105–124]. Базовое определение лингвистического ареала многократно дополнялось с постепенным расширением возможных толкований в последующих исследованиях, обозначивших непереносимость явления культурного контакта, способствующего распространению путем заимствования и закрепления ряда общих черт в языках неродственных. Современные определения лингвистического ареала, без существенных отличий от определений Й. Шерцера, сводятся к констатации наличия «географического региона, содержащего группу из трех и более языков (разных языковых семей), которые объединяет ряд общих структурных черт, являющихся результатом языкового контакта, нежели чем результатом случайного совпадения или происхождения от общего языка-предка» [3, с. 99].

Операционная значимость данного определения на практическом уровне неоднозначна в связи с тем, что возникает ряд вопросов, относящихся к

сложностям дискретной классификации и категоризации языковых данных, оценке отдельных параметров и черт, а также обоснованности решения о генетическом родстве языков. Дискуссионными остаются вопросы о минимальном количестве языков для обсуждения лингвистического ареала: два [20] или три [3]; о минимальном количестве языковых семей для определения ареала: одна с условием отдаленного родства членов ареала [21] или минимум две [1, 4]; об уровне значимости, минимального количества и диапазона распространенности общих структурных черт в языках ареала: одна черта/изоглосс [18, 11, 21, 22] или некоторое множество черт [23; 20; 3, 1].

Весь диапазон возможных сходств между языками может быть представлен в виде адаптации диаграммы Т. Штольца (рисунок), где область 0 по вертикальной оси соответствует полному отсутствию сходств и 100 – полной идентичности. Под метатипией здесь следует понимать реструктуризацию языка (А) по модели языка (В) в мультилингвальной среде, в которой происходит реорганизация семантической системы, синтаксических шаблонов на уровне предложений, клауз, групп, вплоть до словообразования.

Степень лингвистических сходств [24, с. 25]

Кроме того, предметом разногласий является и вопрос удельного веса или уровня типологической уникальности/распространенности одних структурных черт по сравнению с другими; возможных иерархий значимости черт, степени сходств и др. [25].

Другой вопрос, традиционно разделяющий ареалистов, касается принципов и методов определения границ ареала и его однородности. Спорным параметром определения ареала является обязательная множественность совпадающих изоглосс на определенной территории, представляющей собой ограниченный ареал. Данное условие, по мнению многих, является хоть и желательным, но, по сути, идеализированным параметром, которому в реалиях известных лингвистических ареалов про-

тиво поставлено наличие «совокупности индивидуальных случаев локальных диффузий» [26, с. 300, 23, 24, 27]. Альтернативой дискретного параметрического определения лингвистического ареала на основе набора изоглосс можно рассматривать подход, подразумевающий наличие в рамках ареала некой ядерной и периферийной зон, где количество общих черт будет наибольшим ближе к ядру ареала, в то время как ближе к границам ареала набор определяемых диффузных черт может сокращаться [3].

С. Томасон [3, с. 104] выделяет несколько сценариев эволюции лингвистического ареала, которые не следует понимать как взаимоисключающие: а) посредством социальной инфраструктуры, складывающейся в ходе контактов на основе торговых отношений или экзогамных брачных традиций; б) в результате языкового сдвига коренного населения в ходе завоевания; в) как следствие повторяющихся миграций небольших групп в пределах ареала. Хронология и направленность формирования и распада лингвистических ареалов разнообразны, включая случаи стадиальности, многократного наложения и перехлестывания ареалов, прерывистости и последовательности процесса, динамичности и статичности и т. д. [24, с. 265]. В отношении уровня историцизма ареальные исследования разнятся в уровне внимания, уделяемого историческим доказательствам фактов контактной диффузии. С одной стороны, лингвистический ареал может в полной мере считаться таковым лишь при наличии достоверных исторических свидетельств контакта и индивидуальных фактов взаимодействия языков на различных уровнях [2, с. 1457; 3, с. 102]. Такому индивидуальному подходу противостоит подход, основывающийся на принципе массовости выделяемых общих черт в языках географического региона, что должно свидетельствовать косвенным образом о лингвистической диффузии в отсутствие прямых исторических доказательств контакта.

Требование географической смежности также не является абсолютным. Как показывают многочисленные примеры [2, 3, 24, 27], контактная диффузия лингвистических черт возможна при разнообразных сценариях, исключающих непосредственный контакт территорий языковых сообществ, например в случаях миграции, религию и т. д.

Таким образом, определение лингвистического ареала представляется крайне затрудненным вследствие многочисленных противоречий, разнообразия данных, отсутствия социальной и лингвистической однородности [3, с. 102–115]. На современном этапе наиболее теоретически и идеологически нейтральным может считаться мнение, что в основе феномена ареальности лежит явление

контактного взаимодействия двух и более языков и культур, одно- или разнонаправленное заимствование отдельных черт или их наборов и где лингвистический ареал есть ничто иное, чем «сумма таких направленных заимствований» [2, с. 1458].

В качестве решения отдельных методологических проблем предлагалось, в частности, перейти от рассмотрения изоглосс в качестве маркеров ареальной дистрибуции отдельных лингвистических черт к использованию изоплет, позволяющих оценить для каждого языка число индивидуальных структурных сходств из определенного перечня, характеризующего язык-архетип [28].

Подобные затруднения в области универсализации определений, критериев и методологии в значительной мере отрицательно сказываются на мотивации частных изысканий в силу того, что «любые сколь-нибудь нетривиальные интерпретации концепции языкового союза вряд ли способны адекватно отразить комплексные исторические и лингвистические реалии настоящего естественного лингвистического ареала» [27, с. 624]. Так, многие исследования принципиально избегают однозначного определения конкретных регионов как лингвистических ареалов, сосредотачиваясь на изучении природы ареальной диффузии и ее влияния на наблюдаемые языковые системы [2, 24, 29, 30].

Кроме частных лингвистических критериев, по справедливому наблюдению Н. Энфильда [29, с. 191], отнесение или исключение языков из лингвистических ареалов может определяться экстралингвистическими, идеологическими и личными соображениями. Свойственные историческому моменту идеологические и политические приоритеты могут оказывать влияние на восприятие того или иного региона как лингвистического и культурного ареала в соответствии с текущей политической доктриной единства и централизации власти.

Относительно рассматриваемого в нашем случае обско-енисейского лингвистического ареала, какие-то идеологические соблазны обсуждать регион севера Томской, юга-востока Тюменской областей и запада Красноярского края как зону лингвистической и культурной конвергенции, на наш взгляд, отсутствуют. Напротив, предлагаемый ареал разделен на части традиционно существующими этническими и административными границами, включая лингвистическую генеалогию вовлеченных языков, для каждого из которых большая часть родственных диалектов и языков оказывается за пределами ареала. На уровне носителей интересующих нас языков, по результатам полевых исследований, какого бы то ни было интуитивного восприятия лингвистических параллелей и даже культурных (за пределами очевидных тривиальных

сходств, обусловленных общим географическим/климатическим контекстом) не обнаруживается. Более того, в соответствующем этническом фольклоре (хантыйском, селькупском, чулымском) заметно преобладают взаимные характеристики враждебного прошлого, что казалось бы не дает больших оснований для гипотез о длительном, активном культурном взаимодействии. Наконец, наличие структурных параллелей среди обсуждаемых близко неродственных языков может быть рассмотрено в соответствии с доминировавшей долгое время теорией определенного палеосибирского субстрата, очевидного в той или иной мере во всех языках региона, в особенности на материале топонимов [31, 32].

В рамках традиционной теории языкового родства, восходящей к ранним открытиям сравнительно-исторической индоевропеистики, эволюция языков дочерних из общего языка-основы подразумевает деление, постепенное накопление инноваций, превращение в самостоятельные языки сродни биологической эволюции видов путем многочисленных мутаций. Существовавший консенсус, однако, подвергся серьезному критическому давлению с появлением новых исследований на материале неиндоевропейских языков. Так, на материале языков Северной Америки Ф. Боас, Э. Сепир и др. пришли к убеждению, что языки способны менять, иногда кардинально, не только лексический состав, но и грамматическую структуру под воздействием диффузии извне [33, с. 542; 23]. Подобные открытия «уязвимости» структуры языка для контактного влияния позволили в ряде случаев поставить под сомнение аналитическую и репрезентативную адекватность самой шлейхеровской модели [12] генеалогического древа (см. критику древовидной теории индоевропейских языков [34], уральских [35, 36]). Для целого ряда современных моделей языковой (и культурной) эволюции древовидная генеалогическая модель не несет достаточной экспланаторной силы по причине основополагающей гипотезы регулярности развития языка, подразумевающей последовательное всеобъемлющее накопление изменений (иллюстрируемых в основном мутациями звукового строя). На основе описательных и типологических проектов многими исследователями высказывалась критика в адрес традиционной генеалогической модели, как не способной адекватно отразить все многообразие исторических и синхронных отношений между языками [1, 3].

В качестве альтернативы традиционной модели предлагается модель *прерывистого эквilibриума*, построенная на основе теории С. Дж. Гульда [37] Р. Диксоном [38], представляющая S-образную кривую длительного периода равновесия, прерываемого ситуациями резких изменений.

Разумеется, речь не идет о полном отказе от традиционной генеалогической модели языкового родства, но о необходимости современного, эмпирически обоснованного анализа взаимодействия внутренних факторов структурного плана и внешних – социального плана в процессе сближения или разделения языковых систем [29]. В свете мощного влияния на эволюцию языков фактора контактной диффузии к наиболее интересным задачам лингвистических исследований относится не только констатация синхронного состояния языковых систем, но и объяснение процесса эволюции индивидуальных черт как сложного взаимодействия внутренних, генетически обусловленных процессов (филогенеза), с одной стороны, и внешних процессов, обусловленных контактным влиянием (гибридизации), – с другой. В связи с этим особое внимание привлекают аспекты социально-исторического контекста языковой вариации и изменений, таких, например, как влияние внутри- и межэтнических отношений на интенсивность и направленность заимствований в языках контактных сообществ [21, 3].

Междисциплинарный подход подобного рода предоставляет ценные эмпирические данные о длительно постулируемой «взаимосвязи язык-общество и дают представление о реальных эффектах социальных процессов в языковых сообществах на методы и результаты определения языкового родства» [29, с. 194]. В исследованиях последнего времени в области контактной лингвистики имеются радикальные воззрения о неограниченных возможностях социально мотивированной диффузии, способной обходить любые структурные ограничения, и, следовательно, подвергающие сомнению целесообразность любых попыток универсализированных предсказаний изменений языковой системы [3]. Однако мейнстрим ареальной лингвистики подразумевает потенциально широкие и разнообразные последствия языкового контакта, вместе с тем последовательно придерживается тезиса о ключевой роли индивидуальных структурных особенностей контактных языков в определении последствий системных изменений мотивированных контактом [1, 39].

Так или иначе большинство авторов едины во мнении, что наиболее перспективным подходом является интеграция генеалогической (сравнительно-исторической) и ареальной (контактно-диффузной) моделей. В целом ареальный подход (в лучших проявлениях) представляет собой интерфейс набора дисциплин, включая контактную лингвистику, типологию, изучение универсалий, описательное и диахронное языкознание, диалектологию и филологию соответствующей генетической группы, этнографию и историю соответствующего

региона [24]. При анализе языкового контакта, вариативности и изменений на принципе компонентности внимание уделяется индивидуальным лингвистическим чертам в речи индивидуальных говорящих [29, с. 196]. В этом случае явления и закономерности изменений языковой системы могут анализироваться в комплексе для адекватного понимания эволюции масштабных социальных явлений, таких как язык, популяционный процесс, происходящий на уровне отдельных компонентов [40, 29]. При этом языковое родство есть скорее результат социальной диффузии, при которой соответствующие компоненты – это индивидуальные лингвистические черты разной масштабности [41]. Несмотря на то, что «индивидуальные лингвистические черты являются неотъемлемыми частями единой структурированной системы в сознании индивидуальных говорящих», они, тем не менее, «вполне разделимы и имеют собственную социальную историю внутри сообщества» [29]. Без относительно постоянных индивидуальных инноваций и преобразований всех черт в рамках идиолектов говорящие обязаны сотрудничать внутри своего социального окружения и тем самым обеспечивать стабильное существование данных лингвистических черт в культуре своих языковых сообществ по отдельности и наборами [42]. Так как люди, принадлежащие к одной социальной группе, имеют тенденцию «говорить на одном языке», их лингвистические черты объединяются в «схожие по составу наборы говорящих, принадлежащих к одной и той же социальной группе, а не распространяются беспорядочно в рамках сообщества» [29]. Если язык – это устоявшиеся нормы социальной практики, то языковые изменения – это «изменения этих устоявшихся норм. Они возможны исключительно посредством успешной социальной диффузии инноваций, подобно моде или вирусу, где ключевыми элементами являются доступность поведенческих инноваций индивидууму, индивидуальное решение перенять поведенческую инновацию и некая критическая масса индивидуумов, перенявших поведенческую инновацию», сделавших ее достоянием и устоявшейся нормой всей группы, т. е. более не инновацией [42, 43]. Соответственно в этот процесс вовлечены многочисленные социальные и личностные факторы, играющие роль в жизнеспособности и успешности внедрения инноваций. Язык позволяет говорящим отождествлять себя с социальными группами или

отделяться от них, менять и фальсифицировать принадлежность, достигать неких социальных целей. Индивидуумы и группы, составляющие сообщества, могут иметь консервативное или реформистское отношение к инновациям. Аккумуляция подобных микрофакторов в конечном итоге отражается на макроуровне, обеспечивая «заметные изменения в структуре языковой системы, что делает задачу ретроспективного объяснения мотиваций и конкретной истории индивидуальных изменений крайне сложной, а в некоторых случаях едва ли выполнимой» [29, с. 365]. Успех анализа более вероятен при возможности рассмотрения лингвистических процессов в естественном контексте и реальном времени, на материале индивидуальных высказываний говорящих, решений и действий на основе социальной идентификации [29]. В связи с этим наиболее перспективным и в то же время сложным направлением является максимально подробные комплексные исследования местного этнографического контекста лингвистических вариаций и изменений, наблюдение социального и речевого поведения в рамках социальных связей – сети контактов с социальными группами, подверженность инновациям, лингвистической и социальной статус на фоне местной языковой и социальной идеологии [44].

Опыт анализа языкового и социального поведения сообществ прошлого показывает, что крупномасштабные факторы, такие как мобильность групп, входящих в сообщество, и использование ими инноваций разного плана, во многих случаях известны, тогда как такие критические факторы местного масштаба, как личностные черты и роль индивидуальных членов сообщества внутри сети социальных групп, чаще всего остаются неизвестными. Тем не менее такие микросоциальные черты вызывают особый интерес, так как «языковые изменения – это хаотичный и эфемерный процесс, подразумевающий миллионы взаимодействий, факторов, моментальных событий, способных иметь далеко идущие последствия» [29, с. 196]. В этой связи представляется, что материал сибирских языков оптимально соответствует исследовательским задачам в свете крайне малого количества остающихся носителей и размера языковых сообществ, частой пестроты этнического и лингвистического контекста, относительно репрезентативно задокументированного культурно-исторического фона развития языковой системы.

Список литературы

1. Aikhenvald A, Dixon RMW, eds. *Areal Diffusion and Genetic Inheritance: Problems in Comparative Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 453.
2. Dahl O. Principles of areal typology. In *Language Typology and Language Universals*, ed. M Haspelmath inter alia, 2. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. Pp. 1456–70

3. Thomason S. G. 2001. *Language Contact: An Introduction*. Edinburgh University Press, 2001. P. 324.
4. Emeneau M. B. India as a linguistic area. 1956. *Language* 32: pp.3–16.
5. Joseph B. *The Synchrony and Diachrony of the Balkan Infinitive: A Study in Areal, General, and Historical Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 341.
6. Dahl O. Koptjevskaja-Tamm M. *The Circum-Baltic Languages: An Areal-Typological Approach*. Amsterdam: Benjamins, 2001. V–I. P. 382.
7. Дульзон А. П. О древней центрально-азиатской языковой общности. Труды Томского государственного университета. Т-197. Томск, 1968. С. 177–191.
8. Дульзон А. П. Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: ТГУ, 1969. С. 104–108.
9. Anderson G. D. S. The languages of Central Siberia. *Languages and prehistory of Central Siberia*, ed. by Edward J. Vajda. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 1–119.
10. Vajda E. The Languages of Siberia. *Language and Linguistics Compass*. Volume 3 Issue 1, Online Blackwell Publishing, 2009. Pp. 424–440.
11. Trubetzkoy N. Proposition 16. In *Actes du Prem. Congr. Int. Linguist. à La Haye, 10–15 Avril 1928*, Leiden: Sijthoff, 1928. Pp.17–18.
12. Schleicher A. *Die Sprachen Europas in systematischer Übersicht: linguistische Untersuchungen*. Bonn: H. B. König. / *Festschrift für Karl Schneider* (co-editor). Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 1982. P. 595.
13. Schuchart H. *Der Vokalismus des Vulgärlateins*. Vols. 1–2, 1866–1877; Vol. 3, 1868. Leipzig: Teubner.
14. Meillet A. *Linguistique historique et linguistique generale*. Collection linguistique publiee par la Soceite de Linguistique de Paris, 8. Paris: Champion, 1921. Pp.1–18.
15. Sandfeld K. *Notes sur les calques linguistiques*. Festschrift Vilhelm Thomsen. Leipzig, 1912. Pp.166–73.
16. Bloch J. *La formation de la langue marathe*. Bibliothéque de l'Ecole des Haute Etudes. Sciences Historique et Philologiques, 215. Paris: Champion, 1919. P. 432.
17. Boas F. *Race, Language, and Culture*. New York: The Free Press, 1940. Pp. 211–8.
18. Jakobson R. Über die Phonologischen Sprachbünde. *Travaux de Cercle Linguistique de Prague*, Vol. 4. Prague, 1931. Pp. 234–240. (Reunion phonologique international tenue a Prague, 18-21/XII, 1930); reprinted 1971 in *Roman Jakobson. Selected Writings*, vol.1 (The Hague: Mouton). Pp.137–143.
19. Velten H. V. The Nez Perce Verb. *Pacific Northwest Quarterly*. 1943. V. 34. P. 271.
20. Schaller H. W. *Die Balkansprachen: Ein Einführung in die Balkanphilologie*. Heidelberg; Winter, 1975. P. 219.
21. Weinreich U. *Languages in Contact: Findings and Problems*. New York: Linguistic Circle of New York, 1953. P. 148.
22. Campbell L. *Areal Linguistics and its Implications for Historical Linguistic Theory*. In: Jacek Fisiak (Ed.) *Proceedings of the Sixth International Conference of Historical Linguistics*. Amsterdam: John Benjamins, 1985. Pp. 26–56.
23. Sherzer J. *Areal linguistics in North America*. *Curr. Trend. Linguist.* 1973. V. 10. Pp. 749–95.
24. Stolz T. No Sprachbund beyond this line! On the age-old discussion of how to define a linguistic area. In *Mediterranean Languages: Paper from the MEDTYP Workshop*, ed. P. Ramat, T. Stolz. Bochum: Univ. Dr. N. Brockmeyer, 2002. Pp. 259–81.
25. Masica C. *Areal Linguistics*. In: William Bright (ed.) *International Encyclopedia of Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 1992. Pp. 108–12.
26. Matisoff J. A. Genetic versus contact relationship: prosodic diffusability in Southeast Asian languages, 2001. Pp. 291–327.
27. Koptjevskaja-Tamm M, Wälchli B. The Circum-Baltic languages. An areal-typological approach. In *Circum-Baltic Languages. Typology and Contact*, Vol. 2: Grammar and Typology, ed. O Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 2001. Pp. 615–750.
28. Van der Auwera J. Revisiting the Balkan and Meso-American linguistic areas. *Lang. Sci.* 1998. Vol. 20. Pp. 259–70.
29. Enfield N. J. *Areal Linguistics and Mainland Southeast Asia*. *The Annual Review of Anthropology*. 2005. № 34. Pp.181–206 / URL: <http://anthro.annualreviews.org>
30. Johanson L. *On the Roles of Turkic in the Caucasus Area*. *Linguistic Areas*. ed by Yaron Matras, April McMahon and Nigel Vincent. Palgrave Macmillan. Houndmills, Basingstoke, 2006. Pp. 160–182.
31. Дульзон А. П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимии // Ученые записки Томского пед. института. Томск, 1950. Т. 6. С. 175–180.
32. Дульзон А. П. О происхождении чувлымско-тюркского языка // Доклады и сообщения института языкознания. АН СССР. № 9. 1956. С. 180.
33. Sapir E. Preliminary report on the language and mythology of the Upper Chinook. *Am. Anthropol.* 1907. Vol. 9. Pp. 533–44.
34. McMahon A., McMahon R. *Language Classification by Numbers*. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 265.
35. Sammallahhti P. *Languages and roots*. CIFU VIII. Pars I. 1995. Pp. 143–155.
36. Künnap A. Breakthrough in present-day uralistics. Tartu, 1998. Pp.1–122.
37. Gould S. J. *Punctuated Equilibrium in Fact in Theory. The Dynamics of Evolution*. Ed. Albert Somit & Steven Peterson. New-York: Cornell Univ. Press, 1992. Pp. 54–84.
38. Dixon RMW. *The Rise and Fall of Languages*. Cambridge, UK: CUP, 1997. P. 175.
39. Haspelmath M. How hopeless is genealogical linguistics, and how advanced is areal linguistics? // *Stud. Lang.* 2004. Vol. 28. Pp. 209–23.
40. Boyd R. et al. Are cultural phylogenies possible? // In *Human by Nature* (Weingart, P. et al., eds). Lawrence Erlbaum, 1997. Pp. 355–386.
41. Hudson R.A. *Sociolinguistics*. Cambridge, MA, 1996. CUP. 2ed. P. 296.

42. Sperber D. Anthropology and psychology: towards an epidemiology of representations. 1985. Man 20. Pp. 73–89.
43. Rogers E. M. Diffusion of Innovations. New York: Free Press, 1995. P. 518.
44. Milroy L. Language and Social Networks. Oxford: Basil Blackwell, 1980. P. 218.

Фильченко А. Ю., кандидат филологических наук, PhD linguistics, доцент, зав. кафедрой.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.

E-mail: afiltchenko@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 25.05.2010.

A. Yu. Filchenko

THEORETICAL ASPECTS OF AREAL ANALYSIS OF DIALECTAL DATA FROM OB-YENISSEI LINGUISTICS AREA

The paper outlines the endangered Siberian language documentation and description program undertaken by the department of Siberian indigenous languages of Tomsk State Pedagogical University. The project is aimed at developing the database of the endangered languages of Ob-Yenissei linguistic area and exemplifies theoretical, methodological and empirical aspects of the areal typological study of these languages, their culture and ethnography, and hypotheses of their contact interaction and mutual evolution.

Key words: *endangered languages of Siberia, areal typology, language documentation.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Tomsk oblast, Russia, 634061.

E-mail: afiltchenko@tspu.edu.ru